

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Romance

НОРА РОБЕРТС

Искусство обмана

Завораживает. Поражает.
Бодрит и вдохновляет.
The New York Times

Впервые на русском

Нора Робертс

Искусство обмана

«Центрполиграф»

1986

Робертс Н.

Искусство обмана / Н. Робертс — «Центрполиграф», 1986

Эксцентричная, неприступная, восхитительно прекрасная, загадочная Кирби... Перед изумленным взором Адама Хайнеса дочь выдающегося живописца Филиппа Фэйрчайлда предстает то в образе богемной художницы, то – великосветской дамы с безупречными манерами, то – экзотичной индийской принцессы. Раскрывать ее истинную суть не менее интересно, чем расследовать запутанную историю с шедеврами старых мастеров из коллекции ее чудаковатого, но безмерно талантливого отца.

© Робертс Н., 1986

© Центрполиграф, 1986

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Нора Робертс

Искусство обмана

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

The Art of Deception Copyright

© 1986 by Nora Roberts

«Искусство обмана»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

Строение больше походило на замок, чем на жилой дом. Серый камень был стесан по краям до такой степени, что сверкал первозданным цветом. Центральная и боковые башни, объединенные зубчатой крышей, тянулись к небу. Окна с ромбовидными стеклами, длинные и узкие, иссечены поперечными брусками.

Здание – необычное, по мнению Адама, – нависало над Гудзоном, затейливое, своенравное и, если такое определение вообще возможно, надменное. Согласно слухам, дом был под стать владельцу.

Не хватает только дракона и рва, подумал Адам, пересекая двор, вымощенный камнем.

По обеим сторонам широкой каменной лестницы скалились горгульи. Он прошел мимо, стараясь держаться от них как можно дальше. Горгульи и башни могли бы неплохо смотреться в более подходящем месте, но не в пригороде Нью-Йорка в нескольких часах езды от Манхэттена.

Решив воздержаться от преждевременных суждений, он поднял тяжелый дверной молоток и опустил его на массивную дверь из красной гондурасской древесины. После третьего удара дверь со скрипом приоткрылась. Адам оторопело посмотрел на девушку низкого роста с огромными серыми глазами, черными косами и лицом, испачканным сажей. На ней были мятая толстовка и поношенные джинсы. Она лениво потерла нос тыльной стороной ладони и уставилась на него.

– Здравствуйте. – Он подавил тягостный вздох, опасаясь того, что весь персонал состоит из полоумных горничных, а значит, следующие несколько недель будут весьма утомительными. – Меня зовут Адам Хайнес. Мистер Фэйрчайлд ожидает меня, – добавил он.

Ее глаза сузились, Адам не мог с уверенностью сказать, от любопытства или подозрения.

– Ожидает вас? – Ее произношение было приправлено резким акцентом Новой Англии. Еще на мгновение задержав на нем взгляд, она нахмурилась, пожала плечами и впустила его.

Просторный холл казался бесконечным. Обшитые темно-коричневыми панелями стены тускло мерцали в рассеянном свете. Солнечные лучи лились из высокого углового окна, цеплялись за маленькую женскую фигурку и ломались, но он едва ли замечал это. Картины. Адам забыл о долгой дороге, усталости и раздражении. И вообще обо всем, кроме картин.

Ван Гог, Ренуар, Моне. Не каждый музей мог похвастаться такой потрясающей коллекцией. Их сила манила его. Тона, оттенки, мазки кисти, всеобъемлющее великолепие, которое они, объединяясь, создавали, – все это взывало к его чувствам. Возможно, Фэйрчайлд в какой-то мере прав, разместив эти шедевры в здании, похожем на крепость. Обернувшись, Адам посмотрел на горничную. Та сложила руки на груди, взирая на него огромными серыми глазами. Его охватило раздражение.

– Беги доложи мистеру Фэйрчайлду, что я здесь.

– А вы, должно быть?.. – Видимо, выказывая нетерпение, Адам не произвел на нее должного впечатления.

– Адам Хайнес, – повторил он.

Адам привык общаться со слугами и всегда ожидал от них полного послушания.

– А, да, вы говорили.

«Как ее глаза могут быть туманными и ясными одновременно?» – мысль стремительно пронеслась у него в голове. Он с удивлением заметил отразившиеся в ее взгляде зрелость и ум, резко контрастировавшие с косичками и перепачканным лицом.

– Юная леди, – он произносил слова медленно и отчетливо, – мистер Фэйрчайлд ожидает меня. Просто сообщите ему, что я здесь. Вы справитесь с этим?

Ослепительная улыбка неожиданно осветила ее лицо. Адама словно ударили. Впервые он заметил ее красиво очерченный рот, невероятно изящные и соблазнительные губы. И скрывалось под слоем сажи что-то такое... Не задумываясь, он поднял руку, желая вытереть грязь. Волнение захлестнуло его.

– Я не могу этого сделать! Говорю тебе, это невозможно! Пародия! – Мужчина с пугающей скоростью слетел с винтовой лестницы. Его лицо страдальчески кривилось, голос звучал осуждающе. – Это все твоя вина! – Немного переведя дыхание, он ткнул длинным белым пальцем в маленькую горничную. – Это на твоей совести, никаких сомнений!

«Робин Славный Малый», – подумал Адам.

Мужчина очень напоминал Пака: пухлое розовощекое лицо с невероятно выразительными чертами, волосы, похожие на солому, стоящие дыбом. Казалось, он пританцовывал – тонкие ноги приподнимались и опускались на пол, пока их хозяин размахивал пальцем перед носом у темноволосой девушки.

– У вас давление может повыситься в любую секунду, мистер Фэйрчайлд. Вам лучше глубоко вдохнуть раз или два, а затем сделать перерыв.

– Перерыв! – Приняв оскорбленный вид, он затанцевал быстрее. Его лицо покраснело от усилий. – Я не отдыхаю! Я никогда не отдыхал за всю свою жизнь!

– Всегда случается первый раз, – кивнула она, слегка сцепив пальцы. – Мистер Хайнес здесь, чтобы увидеться с вами.

– Хайнес? Что, черт побери, Хайнес может с этим сделать?! Это конец, я тебе говорю! Все! – Он театрально схватился за сердце. Бледно-голубые глаза наполнились влагой. Адам на какое-то мгновение испугался, что мистер Фэйрчайлд сейчас заплачет. – Хайнес? – повторил он, затем, резко переведя взгляд на Адама, ослепительно улыбнулся: – Я ожидал вас, не так ли?

Адам осторожно подал ему руку:

– Да.

– Рад, что вы приехали. Мне не терпелось увидеться с вами. – Улыбаясь во весь рот, он пожал Адаму руку. – Пройдемте в гостиную, – сказал он, схватив Адама за запястье. – Выпьем. – И быстро пошел вперед, озорно подпрыгивая, как беззаботный мальчишка.

В гостиной Адам поразился при виде антикварных вещей и старых журналов. Повинуясь жесту мистера Фэйрчайлда, он сел на диван, набитый конским волосом, весьма неудобный, надо сказать. Горничная присела у огромного каменного камина и принялась чистить очаг, насвистывая какую-то быструю и мелодичную песенку.

– Виски? – предложил Фэйрчайлд и достал бутылку «Чивас Ригал».

– Это было бы прекрасно.

– Я восхищаюсь вашей работой, Адам Хайнес. – Фэйрчайлд твердой рукой протянул ему бокал. Лицо его приняло спокойное выражение, голос стал более сдержанным. Адам невольно задался вопросом, уж не привиделась ли ему сцена на лестнице.

– Спасибо, – сказал Адам, потягивая напиток и внимательно рассматривая невысокого гения.

Если бы не сетка морщин вокруг глаз и рта и редкие волосы, хозяина замка вполне можно было бы принять за молодого человека. Его, казалось, окружала аура юности, порожденная внутренней жизненной силой и лихорадочной энергией. Глаза поражали чистотой, и Адам чувствовал – они могли увидеть очень многое.

Филипп Фэйрчайлд был, бесспорно, одним из величайших художников двадцатого века. Его стиль, яркий и необузданный и в то же время элегантный и сдержанный, выражал различные настроения души. Уже более тридцати лет он купался в лучах известности, окруженный богатством и уважением аристократических кругов общества. Немногие люди его профессии, положив к ногам искусства всю свою жизнь, могли похвастаться тем же.

Время от времени он приглашал и других художников в свой дом на Гудзоне, чтобы писать, проникать в смысл бытия или просто отдыхать. А иногда прогонял всех прочь и уединялся.

– Я ценю возможность поработать здесь несколько недель, мистер Фэйрчайлд.

– Очень рад. – Художник сидел, потягивая виски и плавно жестикулируя, словно король, дающий свое благословение.

Адам скрыл усмешку и сказал:

– Я надеюсь поближе познакомиться с некоторыми картинами. Стиль ваших работ невероятно разнообразен.

– Я живу ради разнообразия, – усмехнулся Фэйрчайлд. Со стороны камина слышалось ехидное фырканье. – Дерзкая девчонка, – пробормотал Фэйрчайлд и, нахмурившись, взглянул на горничную.

Та перебросила косы через плечо и с силой швырнула тряпку в ведро.

– Кардс! – проревел Фэйрчайлд так внезапно, что Адам чуть не пролил виски себе на колени.

– Простите?

– Ничего, – вежливо ответил Фэйрчайлд и снова крикнул.

На этот раз в гостиную вошел человек – воплощение настоящего дворецкого.

– Да, мистер Фэйрчайлд, – важно произнес он с легким британским акцентом. Его темный костюм резко контрастировал с седыми волосами и бледной кожей. Он держался прямо, как солдат.

– Позаботься о машине мистера Хайнеса, Кардс, и его багаже. Синяя комната для гостей.

– Очень хорошо, сэр, – ответил дворецкий, заметив кивок горничной.

– И отнеси его материалы в студию Кирби, – распорядился Фэйрчайлд и усмехнулся, услышав возмущенный вздох девушки. – Вам обоим хватит комнат, – обратился он к Адаму, прежде чем тот успел нахмуриться. – Моя дочь, знаете ли. Она занимается скульптурой, частенько по локоть в глине, а то и возится с деревом или мрамором. Я никак не могу совладать с глиной. – Сжав бокал обеими руками, художник наклонил голову. – Что я только не делал... Вкладывал в нее всю душу. И ради чего? – причитал он, резко вздернув голову. – Ради чего?

– Боюсь, я...

– Провал! – простонал Фэйрчайлд, не дав Адаму договорить. – Иметь дело с провалами в моем возрасте! Это на твоей совести, – обратился он к маленькой брюнетке. – Ты вынуждена будешь жить с этим, если сможешь.

Она сидела у очага, подогнув под себя ноги, пытаясь стереть с носа сажу:

– Едва ли ты сможешь обвинить меня в том, что у тебя руки-крюки и заблудшая душа. – Акцент пропал. Голос стал низким и мягким, закралась мысль о европейском пансионе благородных девиц. Глаза Адама сузились. – Ты решился превзойти меня, – продолжила она. – Поэтому с самого начала был обречен на провал.

– Обречен на провал! Обречен на провал? Я? – Он вскочил и снова принялся пританцовывать, виски выплескивалось из бокала. – Филипп Фэйрчайлд превзойдет тебя, несносная девчонка! Одержит победу! Ты пожалеешь о своих словах.

– Ерунда. – Она демонстративно зевнула. – У тебя свой материал, папа, у меня – свой. Учись жить с этим.

– Никогда. – Он ударил себя в грудь. – Поражение – это неприличное слово из трех букв.

– Из девяти, – поправила она его и, поднявшись, отобрала бокал с остатками виски.

Он хмуро посмотрел на нее, потом на полупустой бокал:

– Я выразился образно.

– Умно. – Она поцеловала его в щеку, испачкав ее сажей.

– У тебя лицо грязное, – проворчал Фэйрчайлд.

Приподняв бровь, она провела пальцем по его щеке.

– У тебя тоже.

Они улыбнулись друг другу. Их сходство было настолько очевидным, что Адам удивился, как это он до сих пор его не заметил. Кирби Фэйрчайлд – единственная дочь Филиппа, уважаемый мастер своего дела и эксцентричная особа по праву рождения. Адам задался вопросом, почему любимица элиты чистит камин.

– Пойдемте, Адам. – Она повернулась к нему с небрежной улыбкой. – Я покажу вам вашу комнату. Вы выглядите усталым. О, папа, пришел недельный номер «Пипл». Он на подносе. Это отвлечет его, – объяснила она Адаму, с которым поднималась по лестнице.

Он медленно следовал за Кирби, отметив про себя, что она двигается с безупречной грацией женщины, которую этому обучали. Ее косы покачивались. Джинсы совсем истерлись, на заднем кармане отсутствовала фирменная этикетка, шнурки на кроссовках «Найк» порвались.

Она проскользнула на второй этаж и миновала дюжину дверей, прежде чем остановиться. Посмотрела на свои руки, затем на Адама:

– Откройте лучше вы. Я испачкаю ручку.

Он толкнул дверь и словно оказался в прошлом.

Комната, выдержанная в синих тонах, была обставлена мебелью в георгианском стиле – резные кресла, декоративные столы. Здесь тоже висели картины, правда, на этот раз все внимание Адама занимала девушка, стоявшая позади.

– Зачем вы сделали это?

– Сделала что?

– Устроили спектакль у входной двери. – Он снова подошел к порогу – туда, где стояла Кирби.

«Вряд ли ее рост превышает пять футов», – предположил Адам. Уже второй раз за день ему захотелось стереть слой грязи с ее лица и увидеть, что за ним скрывается.

– Вы выглядели так изысканно и смотрели с таким негодованием. – Она прислонилась к косяку. В Адаме таилась некая утонченность, а острый взгляд светился высокомерием, ее это заинтриговало. Она не улыбалась, но, казалось, смех вот-вот готов был сорваться с губ. – Вы ожидали увидеть глупую горничную, а я просто подыграла вам. Коктейли в семь. Сможете найти дорогу или мне прийти за вами?

Он мог обойтись и без сопровождения.

– Я спущусь сам.

– Хорошо. Чао, Адам.

Невольно очарованный девушкой, он наблюдал, как она свернула за угол в конце коридора.

Возможно, Кирби Фэйрчайлд, подобно ее отцу, достойна его интереса. Впрочем, решение этого вопроса можно отложить на потом.

Адам запер дверь. Его сумки уже были аккуратно расставлены у гардероба из розового дерева. Взяв портфель, он набрал нужную комбинацию на кодовом замке и откинул крышку. Вытащил маленький передатчик, включил его.

– Я на месте.

– Пароль? – слышался ответ.

Он тихо выругался, затем сказал:

– Чайка. И это, без сомнения, самый глупый пароль.

– Рутинка, Адам, но мы должны следовать правилам.

– Конечно. – С тех пор как он остановил машину на извилистой дороге, ведущей в гору, с ним не произошло ничего «рутинного». – Я на месте, Макинтайр, и хочу, чтобы ты знал, как я благодарен тебе за то, что ты запихнул меня в этот сумасшедший дом. – Он отключил связь.

Даже не умывшись, Кирби направилась в студию отца, открыла дверь, хлопнув ею так, что банки и тюбики с краской звякнули на полках.

– Что ты сделал на этот раз? – требовательно спросила она.

– Я начал заново. – Нахмутив тонкие брови, он сосредоточенно месил влажную глину. – Новый старт. Возрождение.

– Я говорю не о твоих бесполезных попытках управиться с глиной. Адам Хайнес, – бросила она прежде, чем он смог возразить. Она надвигалась на него, словно миниатюрный танк. Много лет назад Кирби поняла, что рост не имеет значения, если ты обладаешь способностью внушать страх. И она тщательно развивала ее. Вот и теперь, хлопнув ладонями по рабочему столу, вперилась в отца взглядом: – Чего ради ты пригласил его сюда, даже не известив меня об этом?

– Сейчас, сейчас, Кирби. – Фэйрчайлд не прожил бы шесть десятилетий без умения хитрить и изворачиваться. – Это просто вылетело у меня из головы.

Кирби слишком хорошо знала, что у отца ничего и никогда не вылетает из головы.

– Что ты задумал на этот раз, папа?

– Задумал? – простодушно улыбнулся он.

– Зачем ты пригласил его сюда именно сейчас?

– Мне понравилась его работа. И тебе тоже, – заметил он. Губы Кирби сжались в тонкую линию. – Он написал такой замечательный отзыв о моей «Алой луне», выставленной в Метрополитене в прошлом месяце.

Она приподняла бровь – изящное движение под слоем сажки.

– Ты приглашаешь далеко не всех, кто хвалит твою работу.

– Конечно, моя дорогая. Это попросту невозможно. Кто-то должен быть... избранным. Теперь мне надо вернуться к работе, пока настроение позволяет.

– Не волнуйся, позволит, – обнадежила она. – Папа, если у тебя что-то на уме, после того как ты обещал...

– Кирби! – Его круглое мягкое лицо исказил лось от эмоций, губы задрожали, – играть на чувствах других людей – один из его талантов. – Ты сомневаешься в слове, данном тебе родным отцом? Человеком, чье семя породило тебя?

– Ты заставляешь меня чувствовать себя гарденией, и это не сработает. – Она скрестила руки на груди.

Нахмурившись, Фэйрчайлд ткнул бесформенный кусок глины.

– Мои действия абсолютно бескорыстны.

– Неужели?

– Адам Хайнес – великолепный молодой художник. Ты сама так сказала.

– Да, это правда. И я бы охотно с ним пообщалась при других обстоятельствах. – Она наклонилась и схватила отца за подбородок. – Но не сейчас.

– Как грубо, – неодобрительно произнес Фэйрчайлд. – Твоя мать, покойся с миром ее душа, была бы разочарована тобой.

Кирби скрипнула зубами:

– Папа, а как же Ван Гог?!

– Все идет по плану, – уверил он ее. – Еще несколько дней.

Готовая рвать на себе волосы, она прошествовала к окну башни.

– О, кровавое убийство.

«Старческий маразм, – решила она, – должно быть, старческий маразм». Как он мог решиться пригласить его в такое время? На следующей неделе, в следующем месяце – понятно, но сейчас? «Этого человека не так-то легко обмануть», – мрачно подумала она.

С первого взгляда она поняла, что он не просто привлекателен – очень привлекателен, а опасен.

Большие карие глаза светились умом, длинные тонкие губы говорили о решительном характере. Возможно, он держался немного напыщенно. Инстинктивно она чувствовала в Адаме Хайнесе жестокость.

Она хотела бы отлить его бюст в бронзе. Прямой нос, острые углы и плоскость лица, волосы глубокого оттенка полированной бронзы и немного длинноваты. О, как бы она хотела запечатлеть надменность и властность этого лица! Но не сейчас.

Вздыхнув, Кирби пожала плечами. Фэйрчайлд усмехнулся у нее за спиной. Когда она обернулась, он уже снова возился с глиной.

– Скорее всего, он захочет зайти сюда, ты знаешь. – Она спрятала руки в карманы, не обращая внимания на покрывавшую их сажу. У них возникла проблема, и ее надо как-то решать. Лучшие годы своей жизни Кирби провела, расхлебывая кашу, которую радостно заваривал отец. По-другому она не могла. – Будет странно, если мы не покажем ему твою студию.

– Покажем завтра.

– Он не должен увидеть Ван Гога. – Кирби приготовилась дать отцу отпор и настоять на своем хотя бы в этом вопросе. – Я не дам тебе еще больше все усложнить.

– Он его не увидит. С чего бы ему вообще его видеть? – Отец бросил на нее быстрый взгляд широко раскрытых глаз. – Это не имеет к нему никакого отношения.

Кирби вдруг осознала, что ведет себя глупо. «Ну конечно, не увидит», – подумала она. Да, возможно, отец был немного... необычным, но его нельзя назвать беспечным. Как, впрочем, и ее.

– Слава богу, все почти закончилось, – произнесла она.

– Еще несколько дней, и все – он улетит куда-нибудь высоко в горы Северной Америки. – Он сделал широкий, неопределенный жест рукой.

Кирби заметила холст на мольберте в дальнем углу. Пасторальная сцена была далеко не умиротворяющей, а напротив, полна энергии и жизни. Рваные агрессивные мазки передавали бешеный ритм движения. Картина явно не нуждалась ни в восхищении, ни в похвале. Она влекла и хватала за горло. Кричала о боли и триумфе, страдании и восторге. Кирби открыла рот в невольном восхищении. Сам Ван Гог, по ее мнению, не написал бы лучше.

– Папа. – Она обернулась к нему, их взгляды встретились, отец и дочь понимали друг друга без слов. – Ты невероятен.

К семи часам Кирби не только смирилась с присутствием гостя в доме, но и приготовилась насладиться его обществом. К счастью, она умела наслаждаться тем, с чем ей предстояло бороться, – отличительная черта ее характера. Наливая в бокал вермут, она осознала, что ищет встречи с ним, желая содрать внешний слой лоска. Сложилось предчувствие, что Адам Хайнес скрывает более заманчивые слои.

Она опустила на стул, скрестила ноги и взглянула на громко причитающего отца.

– Она ненавидит меня! Не слушается! Почему, Кирби?! – Он вытянул руки в страстной мольбе. – Я хороший человек, любящий отец, верный друг.

– Все дело в твоём отношении, папа. – Она пожала плечами, продолжая попить вермут. – У тебя нарушен эмоциональный баланс.

– В эмоциональном плане у меня все в порядке. – Фыркнув, Фэйрчайлд поднял бокал. – Абсолютно все, черт возьми. Проблема в глине, не во мне.

– Ты слишком самонадеянный, – простодушно произнесла она.

Фэйрчайлд запыхтел, словно паровоз, пытающийся забраться на высокий холм.

– Самонадеянный? Что это, к дьяволу, за слово такое?

– Прилагательное. Шесть слогов. Тринадцать букв.

Направляясь в гостиную, Адам слышал спор. Проведя полдня в относительном спокойствии, он не был уверен, что справится с очередным приступом безумия хозяина дома. Голос

Фэйрчайлда постепенно повышался, и Адам, остановившись у двери, увидел, как художник взволнованно нарезает круги по студии.

«Макинтайр заплатит за это, – мысленно поклялся Адам. – Месть будет медленной и изощренной». Фэйрчайлд осуждающе ткнул куда-то пальцем. Адам посмотрел в ту сторону и на мгновение застыл, ошеломленный.

Девушка, сидевшая в кресле, настолько разительно отличалась от того замызганного трубочиста с косами, что он никак не мог связать в единое целое два этих образа. На ней было платье из тончайшего шелка, такого же темного, как ее волосы, с богато расшитым лифом и длинным разрезом, открывавшим взору нежное бедро. Адам разглядывал ее профиль, пока она невозмутимо слушала взбудораженного отца. Ее лицо с тонкими, красиво очерченными линиями и высокими скулами отличалось идеальной овальной формой. Полные губы были немного изогнуты в подобие улыбки. Кожа золотисто-медового оттенка – теперь ее не скрывал слой сажи – казалась бархатной. Только большие серые глаза, задорно поблескивая, напоминали о том, что это та же самая девушка. Подняв руку, она откинула темные волосы, ниспадавшие на плечи.

В ней таилось нечто большее, чем просто красота, хотя Адам встречал женщин и более прекрасных, чем Кирби Фэйрчайлд. Но это «нечто» в ней... Он пытался подобрать правильное слово, но оно ускользало.

Словно почувствовав присутствие Адама, Кирби повернула голову и снова беззастенчиво уставилась на него любопытным взглядом, в то время как ее отец продолжал нести несусветный бред. Медленно, очень медленно она улыбнулась. Адама захлестнула волна невероятной силы.

Сексуальность, неожиданно осознал он. Подобно тому как другие женщины благоухали дорогим парфюмом, Кирби Фэйрчайлд источала сексуальность, необузданную, беспощадную, почти непереносимую.

Быстро оценив силу Кирби, он понял, что ее не так-то легко обмануть. С Фэйрчайлдом можно управиться запросто, но с его дочерью придется держать ухо востро. К тому же Адама уже переполняло желание заняться с ней любовью. Необходимо действовать крайне осторожно.

– Адам, – заговорила она мягким голосом, который тем не менее заглушил крик ее отца. – Вы, похоже, нашли нас. Входите, папа почти закончил.

– Закончил?! Да я уничтожен! Своим собственным ребенком! – Фэйрчайлд направился к Адаму, едва тот вошел в комнату. – Она назвала меня самонадеянным. Неужели это слово позволительно употреблять дочери, я вас спрашиваю?

– Аперитив? – вмешалась Кирби и плавно поднялась. Адаму всегда казалось, что так могут двигаться только высокие, гибкие женщины.

– Да, спасибо.

– Вам подходит комната? – Лицо Фэйрчайлда снова озарилось улыбкой, он плюхнулся на диван.

– Вполне. – Адам решил, что сможет управлять ситуацией, только если притворится, что все нормально. Притворство, в конечном счете, часть игры. – У вас весьма... необычный дом.

– Я люблю его. – Довольный, Фэйрчайлд откинулся на спинку. – Он построен на рубеже веков богатым обезумевшим английским лордом. Ты покажешь завтра дом Адаму, Кирби?

– Конечно. – Она вручила гостю бокал, посмотрев ему прямо в глаза.

В ее ушах блеснули алмазы, холодные, точно лед. Он почувствовал жар во всем теле.

– С нетерпением жду.

Стиль, наконец решил Адам. Врожденный или выработанный с годами, но у мисс Фэйрчайлд собственный стиль.

– Мы постараемся вам угодить. – Она улыбнулась поверх бокала, думая об Адаме.

Адам снова посмотрел на Фэйрчайлда:

– Ваша коллекция произведений искусства сделает честь любому музею. Тициан в моей комнате великолепен.

«Тициан, – в панике подумала Кирби. Как она могла забыть о нем? Господи, что теперь делать? Хотя какая разница? – Сейчас это уже не имеет значения, – уверила она себя. – Ничего нельзя изменить».

– Полотно с видом на Гудзон на западной стене... – Адам снова повернулся к Кирби, пока она пыталась успокоиться. – Это ваша работа?

– Моя... о да. – Она улыбнулась своим воспоминаниям. С Тицианом она разберется позже. – Я забыла об этом. Боюсь, она немного сентиментальна. Я тогда была влюблена в сына шофера. Там мы целовались.

– У него кривые зубы, – напомнил Фэйрчайлд.

– Любовь побеждает все.

– Берег Гудзона – неподходящее место для потери девственности, – серьезно заявил отец. Поболтал напиток в бокале, затем осушил его.

Обрадовавшись резкой вспышке отеческих чувств, Кирби решила все обратить в шутку:

– Я не теряла девственность на берегу Гудзона. – Лукавые огоньки мерцали в ее глазах. – Я потеряла ее в «Рено» в Париже.

«Любовь побеждает все», – про себя повторил Адам.

– Ужин подан, – важно объявил Кардс, появившись в дверях.

– Вовремя. – Фэйрчайлд подскочил. – Человек умирает с голоду в своем собственном доме.

Кирби посмотрела с улыбкой вслед удалившемуся отцу и предложила руку Адаму:

– Идемте?

Столовую украшали полотна кисти Фэйрчайлда. Огромная уотерфордская люстра отбрасывала отсветы на красное дерево и хрусталь. В массивном каменном камине ревело пламя. Вокруг витали ароматы горящей древесины, свечей и жареного мяса. Бретонское кружево и серебро впечатляли. Но картины Фэйрчайлда превосходили все.

Казалось, у него не было определенного стиля. Его стилем являлось искусство, изображал ли он воздушный, наполненный светом пейзаж или портрет в мягких, затемненных тонах. Четкие или едва ощутимые мазки кисти, масло, рассекающее, точно нож, полотно или расплывчатая акварель, – он создавал все. Великолепно.

Столь же неординарным было его мнение о других художниках. Пока они сидели за длинным столом, ломящимся от яств, Фэйрчайлд подробно рассказал о мастерах, словно ему посчастливилось перенестись в прошлое и познакомиться с каждым из них лично. Рафаэль, Гойя, Мане...

Его теории интриговали, знание впечатляло. Душа художника в Адаме откликалась на его зов. Но разум, практичный разум, требовал осторожности, чтобы выполнить задание. Противоречивые силы разрывали его на части. А влечение к женщине заставляло все тело зудеть.

Он обругал Макинтайра.

Адам пришел к выводу, что несколько недель в обществе Фэйрчайлдов могут оказаться весьма интересными, несмотря на странности этой семейки. Пока не стоит беспокоиться о сложностях, вполне можно втянуться в игру. Он расслабился, ожидая подходящего момента для первого хода.

Информация, которой он располагал, весьма отрывочна. Фэйрчайлду за шестьдесят, он вдовец более двадцати лет. Его творчество и талант известны всем, но частная жизнь покрыта тайной. Возможно, в силу характера, возможно, по необходимости, размышлял Адам.

О Кирби он не знал почти ничего. Она держалась в тени до своего дебюта год назад. Несмотря на беспрецедентный успех, они с отцом редко афишировали свои работы. Ее имя часто мелькало на страницах модных журналов или желтых газет, например, когда она летала в

Санкт-Мориц с теннисистом или на Мартинику с популярным голливудским актером. Он знал, что ей двадцать семь лет и она не замужем. Не из-за недостатка ухажеров, заключил Адам. Она принадлежала к тому типу женщин, которых мужчины добивались изо всех сил. Если бы она жила в другом столетии, рыцари сражались бы за нее на турнирах. Он уверен, она бы от всей души наслаждалась подобным зрелищем.

Фэйрчайлды, в свою очередь, знали об Адаме то же, что и все. Он родился в благополучной семье, родители дали ему время и возможность развивать свой талант. В двадцать лет он прославился. Спустя двенадцать лет уже был широко известен в творческих кругах. Жил в Париже, Швейцарии, затем окончательно обосновался в Штатах.

В юности много путешествовал и рисовал. Искусство всегда стояло у него на первом месте. Под маской самообладания, практичности и утонченности скрывалась жажда приключений, одобренная хитростью. Тут и появился Макинтайр.

«Я просто обязан научиться контролировать ситуацию, – наставлял себя Адам. – Необходимо научиться говорить „нет“. И в следующий раз, когда Мака посетит вдохновение, он может катиться ко всем чертям».

Когда они перебрались в гостиную к кофе и бренди, Адам прикинул, что управится с работой за пару недель. Да, дом действительно огромен, но в нем живет всего лишь небольшая горстка людей, а благодаря сегодняшней прогулке он изучил место достаточно хорошо. Все остальное – дело времени.

Немного успокоившись, он переключил внимание на Кирби. В этот момент она выглядела настоящей хозяйкой – очаровательной, величественной. Роскошной и утонченной. Походила на тех женщин, которые всегда привлекали его, – ухоженная, воспитанная, умная, обаятельная. Комната пропиталась запахом роз, паленой древесины и ее особенным, почти неуловимым ароматом. Адам почувствовал, как его тело расслабляется.

– Почему бы тебе не сыграть, Кирби? – Фэйрчайлд снова налил бренди себе и Адаму. – Это помогает очистить мой разум.

– Хорошо. – Сдержанно улыбнувшись Адаму, Кирби перешла в дальний конец гостиной и провела пальцами по крыловидному инструменту, который Адам принял за небольшое пианино.

Однако, услышав первые аккорды, понял, что ошибся. Клавесин. Он удивился. Мелодия наполнила комнату. Адам тут же узнал композитора и поразился еще больше. Бах. В двадцатом веке никому бы и в голову не пришло исполнять Баха на клавесине.

Все время, пока Кирби играла, Фэйрчайлд сидел с полужакрытыми глазами, двигая пальцем в такт мелодии. Ее же взор был печален, губы бледны и плотно сжаты. Неожиданно она подмигнула Адаму, не пропустив при этом ни единой ноты. И постепенно перешла к произведениям Брамса. В то мгновение Адам осознал, что сгорает от желания видеть ее в постели. Запечатлеть ее образ на полотне.

– Я чувствую его! – Фэйрчайлд подскочил и заметался по комнате. – Я чувствую его! Вдохновение! Золотой свет!

– Аминь, – пробормотала Кирби.

– Я покажу тебе, ты, злобный ребенок! – Скалясь, как горгулья перед домом, Фэйрчайлд склонился над клавесином. – К концу недели я создам нечто такое, что твои творения в сравнении с этим будут походять на дверные пружины.

Кирби приподняла бровь и поцеловала его в губы.

– Козлийный помет.

– Ты возьмешь свои слова назад, – предупредил он, пробкой вылетев из гостиной.

– Искренне надеюсь, что нет. – Поднявшись, она взяла бокал. – В папе живет противный дух соперничества. – И это постоянно ее радовало. – Еще бренди?

– Ваш отец довольно... необычная личность.

На ее пальце вспыхнул изумруд, когда она разливала напиток. Он заметил, насколько тонкие и узкие у нее руки в сравнении с твердым блеском камня. Но в них таится и сила, подумал Адам, тоже направляясь к бару. Сила необходима художнику.

– Вы сдержанны. – Она повернулась и посмотрела на него. Ее губы немного порозовели. – Очень сдержанны, не так ли, Адам?

Он уже знал, что не стоит доверять наигранному равнодушию на ее лице.

– В определенных обстоятельствах.

– В большинстве случаев. Жаль.

– Неужели?

Она привыкла сохранять зрительный контакт во время любого столкновения, поэтому он продолжал смотреть ей в глаза чистейшего серого цвета, без намека на какие-либо иные оттенки.

– Я думаю, вы были бы очень интересным человеком, если бы не ограничивали сами себя. Полагаю, вы продумываете все слишком тщательно.

– Это проблема? – Его голос стал холодным. – Странно, что вы это заметили, ведь мы познакомились совсем недавно.

«Нет, он далеко не скучный», – решила она, обрадовавшись его вспышке раздражения. Отсутствие каких-либо эмоций в человеке Кирби находила печальным.

– Я могу охарактеризовать человека уже после часа знакомства, но в вашем случае не понадобилось и этого, я уже видела ваши работы. Помимо таланта вы обладаете самоконтролем и чувством собственного достоинства. Кроме того, весьма консервативны.

– Почему я чувствую себя оскорбленным?

– Также вы проницательны. – Кирби обворожительно улыбнулась, медленно изогнув губы. Когда Адам улыбнулся в ответ, она решилась, поскольку всегда считала быстрые действия лучшим способом достижения цели. Продолжая наблюдать за ним, она допила бренди. – Я импульсивна, и хочу понять, каково это.

Кирби обвила его руками, коснувшись губами его губ, поймав в ловушку своего очарования. Чувства с невероятной силой захлестнули его – запах горящих поленьев и роз... ощущение невероятной мягкости и силы... Затем она отстранилась. Слабо улыбнувшись, снова налила себе бренди и одним глотком опустошила бокал. Насладилась быстрым поцелуем. Еще больше ей нравилось шокировать его.

– Неплохо, – произнесла она одобрительно. – Завтрак в семь. Если вам что-нибудь понадобится, просто позвоните Кардса. Спокойной ночи.

Она собралась уйти, но Адам удержал ее руку и развернул к себе. Она выглядела пораженной, когда их тела соприкоснулись.

– Вы подловили меня, – сказал он мягко. – Я способен на большее, чем «неплохо».

Он стремительно впился в ее губы, почти смяв их. Мягкое к твердому, тонкая шелковая ткань к жестким волокнам льна. В ее вкусе было что-то первобытное, что-то... вечное. Она напомнила ему о лесах ночной осени – темных, опасных, полных мистических тайн.

Поцелуй затягивался, в планы обоих это не входило. Ответ Кирби был мгновенным и дерзким, как и все ее ответы до этого. Она переместила руки с его плеч на шею, затем на лицо, словно ваяла. Оба они трепетали.

Сейчас их вела кровь. Она привыкла к этому, он – нет. Он всегда искал причины, но сейчас не находил. Только сердце и страсть, потребность и желание, не нуждавшиеся ни в вопросах, ни в ответах.

Наконец Адам неохотно отступил. Он привык побеждать, поэтому предпочитал действовать осторожно.

Кирби все еще чувствовала его вкус и дыхание на своих губах. Как она могла недооценивать Адама? Голова кружилась – никогда она не испытывала подобного. Кипящая кровь, учащенный пульс... все это случалось и раньше, но никогда еще пелена тумана не застилала разум.

Адам не знал, как долго сможет сохранять преимущество. Он улыбнулся:

– Лучше?

– Да. – Кирби пыталась обрести равновесие. Прогресс налицо. Так же как и отец, она прекрасно знала, когда нужно прибегнуть к хитрости и обману. Немного успокоившись, она направилась к двери. Требовалось немного поразмыслить и переоценить ситуацию. – Сколько вы здесь пробудете, Адам?

– Месяц, – ответил он. Странно, что она не знала об этом.

– Вы собираетесь спать со мной?

Адам уставился на нее, изумленный и восхищенный одновременно. Он всегда уважал прямоту, но в данном случае она была чересчур резкой. Он решил последовать примеру Кирби.

– Да.

Она кивнула, пытаясь не обращать внимания на дрожь, пробежавшую по спине. Игры – она наслаждалась ими. Любила побеждать. А между ними только что началась игра.

– Я подумаю об этом, – сказала она. – Спокойной ночи.

Глава 2

Нити утреннего света протягивались сквозь длинные окна столовой и плели на полу алмазную паутину. Снаружи деревья уже тронул сентябрь: листья разрумянились, горели красками от оранжево-розового до алого, некоторые сверкали золотом, другие словно покрылись ржавчиной, упорно не желая расставаться с последними капельками зелени. Лужайка пестрела осенними цветами и кустарником, охваченным пламенем. Адам рассматривал картины Фэйрчайлда.

В очередной раз он был поражен невероятным разнообразием стилей художника. Тут был и натюрморт – игра света и теней напоминала Гойю, и пейзаж в безумных оттенках Ван Гога, и портрет, пронизанный чувственностью и изяществом Рафаэля. Именно портрет привлек внимание Адама.

С полотна на него смотрела хрупкая темноволосая женщина. Безмятежная и решительная. Глаза такого же глубокого серого цвета, как у Кирби, но черты более мягкие, нежные. Мать Кирби обладала редкой красотой и сочетала в себе невероятную силу и способность сочувствовать. Хотя она не стала бы собственноручно чистить камин, она поняла бы дочь, которая не брезговала подобной работой. Адам мог видеть это на полотне, несмотря на то что никогда не встречал Рэйчел Фэйрчайлд. Отец Кирби действительно гений – он создал жизнь маслом и кистью.

На следующей картине в стиле Гейнсборо была изображена девочка в полный рост. Блестящие черные завитки струились по плечам и ниспадали на белое муслиновое платье с лифом со сборками и пышной юбкой. На ней были белые чулки и аккуратные черные туфли с пряжками. Широкий розовый пояс на талии и темные розы в корзине дополняли колорит шедевра. Не похожа на скромного ребенка.

Девочка гордо держала голову, немного склонив ее в юношеском высокомерии. Лукавая полуулыбка играла на ее губах, в глазах притаился озорной огонек. «Не более одиннадцати—двенадцати лет, – решил Адам. – Уже тогда с Кирби наверняка было полно хлопот».

– Восхитительный ребенок, не правда ли? – Кирби стояла в дверях. Ей нравилось наблюдать за Адамом и анализировать его поведение так же, как он изучал живопись.

Он стоял очень прямо. Все ясно, результат обучения в престижной подготовительной школе, подумала Кирби. Руки его были спрятаны в карманы. Даже в повседневной одежде – джинсах и свитере – он сохранял налет формальности. Противоречия интриговали ее как женщину и как художника.

Обернувшись, Адам принялся внимательно ее рассматривать. Он уже видел, как она из неряшливого домового превратилась в холеную утонченную особу, словно сошла с картины божественного художника. Волосы, собранные в конский хвост, открывали лицо, на котором не было ни грамма косметики. Сегодня она надела бесформенный черный свитер, джинсы, исполосованные краской, ноги были босы. К раздражению Адама, Кирби по-прежнему его привлекала. Она повернула голову, и солнечные лучи осветили ее профиль. В этот момент она выглядела потрясающе. Кирби вздохнула, глядя на собственный портрет:

– Настоящий ангел.

– Очевидно, ее отец знал лучше.

Она засмеялась низко и глубоко, его спокойный сухой тон нравился ей чрезвычайно.

– Не каждый способен это увидеть. – Кирби была рада, что Адам заметил, оценила острый глаз и незаурядный ум. – Вы завтракали?

Он расслабился. Она отвернулась, так что солнце больше не освещало лицо.

– Нет, я был занят, дрожа от страха.

– Никого нельзя пугать на пустой желудок. Это вредит пищеварению.

Сейчас это была привлекательная, дружелюбная женщина. Она просто взяла его за руку и повела к столу.

– После того как мы поедем, я покажу вам дом.

– Замечательно. – Адам сел напротив Кирби. Сегодня от нее не исходило никаких изысканных ароматов, она излучала чистоту и холодность.

В комнату, тяжело ступая, вошла женщина. У нее было худое, вытянутое лицо, маленькие темно-карие глаза и трагично изогнутый нос. Седеющие волосы собраны в пучок на затылке. Глубокие морщины на лбу свидетельствовали о пессимистичном настрое. Мельком взглянув на нее, Кирби улыбнулась:

– Доброе утро, Тюлип.¹ Отнесите поднос и папе, сегодня он из башни и носу не покажет. – Она вынула из кольца льняную салфетку. – Для меня только тосты и кофе, и пожалуйста, без лекций. Выше я не стану.

Проворчав что-то неодобрительно, Тюлип повернулась к Адаму. Заказанные им яйца с беконом вызвали новый приступ ворчания. Затем она удалилась.

– Тюлип? – Адам приподнял бровь, повернувшись к Кирби.

– Ей подходит, не правда ли? – Ее губы были плотно сжаты, но в глазах играл озорной огонек. Она оперлась локтями о стол и положила голову на ладони. – Она действительно чудо как хороша в делах снабжения и кормления. Мы ведем битву за еду вот уже пятнадцать лет. По мнению Тюлип, если я буду есть, то вырасту. После того как мне стукнуло двадцать, я полагала, что доказала несостоятельность ее теории. Интересно, почему взрослые всегда пичкают детей такими абсурдными идеями?

Грубоватая молодая горничная, которая подавала ужин прошлым вечером, принесла кофе. Она одарила Адама солнечной улыбкой.

– Спасибо, Полли. – Голос Кирби звучал нежно, но Адам поймал ее предупреждающий взгляд, брошенный на горничную. Девушка тут же покрылась румянцем.

– Да, мэм. – И, не поднимая глаз, Полли вылетела из столовой.

– Наша Полли очень мила, – начала Кирби. – Но у нее есть привычка становиться... слишком дружелюбной в компании почти всех мужчин на земле. – Поставив кофейник, она улыбнулась. – Если вам нравятся шлепки и щекотка, Полли ваш тип. Тем не менее я не стала бы ее поощрять. Мне пришлось отгонять ее даже от папы.

Адам представил крепкую молодую Полли с похожим на эльфа Фэйрчайлдом и прыснул со смеху.

«Так, так, так, – подумала Кирби, задумчиво наблюдая за ним. – У человека, который может так смеяться, огромный потенциал». Ей стало интересно, какие еще тайны скрывает его противоречивая натура. Она надеялась, что сможет разгадать большую их часть.

Адам добавил сливок в кофе.

– Даю слово, что буду изо всех сил сопротивляться искушению.

– У нее довольно мощное телосложение. – Кирби потягивала горький напиток.

– Правда? – Впервые она увидела его усмешку, быструю, кривую и озорную. – Я не заметил.

Еще один сюрприз, отметила она, хлебнув кофе.

– Я вас недооценила, Адам, – пробормотала она. – Это определенно ошибка в расчетах. Вы не тот, за кого себя выдаете.

Он подумал о маленьком передатчике, спрятанном в портфеле.

– А бывают такие, кто ничего не прячет?

– Да. – Она посмотрела на него долгим бесхитростным взглядом. – Некоторые люди именно такие, какими кажутся, к лучшему или к худшему.

¹ Тюлип (англ.) – тюльпан.

– А вы? – Адам вдруг страстно захотел узнать, какая Кирби на самом деле. Не ради Макинтайра, не ради работы, для себя.

Мгновение она молчала, ее губы тронула быстрая ироничная улыбка. Он догадался, что она смеялась над собой.

– Такая, какая есть сегодня, и есть я истинная.

Но только на сегодня. – Ее настроение снова мгновенно изменилось. – Завтрак.

Во время еды они вежливо беседовали о житейских мелочах, как это делают два взрослых малознакомых человека во время приема пищи. Оба были подготовлены и к светскому разговору, и к обмену остроумными репликами, словно скользили по поверхности, затрагивая ничего не значащие темы, не достигая глубины.

Кирби вдруг осознала, что понимает его лучше, чем следовало или чем хотела. «Что он за человек?» Адам был далеко не так прост, как хотел показаться или сам себя считал. В нем таился риск. Она злилась, и понадобилось слишком много времени, чтобы понять это.

Она помнила силу и неистовство поцелуя, который они разделили. Он, вероятно, требовательный любовник. И великолепный. Поэтому ей следует вести себя осторожно. Им не так-то легко управлять. Что-то в его глазах... Но она должна научиться управлять им.

Кирби быстро отбросила эти мысли. Допив кофе, мысленно поблагодарила небеса за то, что ее отцу удалось скрыть Ван Гога.

– Мы начнем с основания и постепенно дойдем до вершины, – тоном, не допускающим возражений, заявила она и протянула ему руку. – Темницы невероятно отвратительны, и там страшная сырость. Думаю, мы отложим их посещение из уважения к вашему кашемировому свитеру.

– Темницы? – Адам принял предложенную руку и покинул вместе с ней комнату.

– Мы не используем их сейчас, но там иногда можно услышать стоны и скрежет. – Кирби произнесла это таким обыденным тоном, что Адам едва не поверил. Она умела самые глупые слова заставить звучать правдоподобно, это, несомненно, один из ее талантов. – Лорд Уикертон, первый владелец, был весьма подлым человеком.

– Вы им восхищаетесь?

– Восхищаюсь? – Она задумалась. – Скорее нет, но так легко увлечься тем, что происходило сотни лет назад. По прошествии определенного времени зло может показаться романтическим, вы так не считаете?

– Я никогда не рассматривал его под таким углом.

– Это потому, что вы имеете четкое представление о том, что правильно, а что нет.

Адам остановился, и, поскольку их руки были соединены, Кирби тоже замерла рядом. Он настороженно посмотрел на нее:

– А вы?

Она открыла рот, затем закрыла его, боясь брякнуть что-нибудь глупое.

– Скажем так, я легко приспосабливаюсь. Вам понравится эта комната. – Она толкнула дверь. – Она довольно комфортная и обжитая.

Проигнорировав ироничное замечание Кирби, Адам зашел внутрь. Почти час они блуждали по комнатам. Он понял, что недооценил истинный размер дома. Залы извивались и ломались острыми углами, комнаты возникали там, где их меньше всего ожидалось увидеть, некоторые огромные, некоторые крошечные. Если не повезет, – подумал Адам, работа отнимет много времени.

Толкнув двойную тяжелую резную дверь, Кирби впустила его в двухуровневую библиотеку, размером сопоставимую с двуспальными апартаментами. Пол покрывали поблекшие ковры персикового цвета. Дальняя стена сверкала алмазным стеклом, украшавшим большинство окон в доме. Остальные стены от пола до потолка были уставлены книгами. Взгляд выхва-

тил Чосера рядом с Лоуренсом. Кинг прислонился к Мильтону. Не было даже намека на какой-либо порядок. В ноздри проник сильный запах кожи, пыли и лимонного масла.

Книги полностью поглотили комнату, и места для картин не осталось, зато здесь были скульптуры.

Адам пересек помещение и взял фигурку жеребца, вырезанную из древесины грецкого ореха. Свобода, грация, движение, казалось, заиграли в его руках. Он словно почувствовал на ладони ровное сердцебиение.

Был там и бронзовый бюст Фэйрчайлда на высоком круглом постаменте. Творцу удалось запечатлеть проказливость, энергию, но кроме этого – ум и благородство.

В тишине Адам бродил по комнате, исследуя каждый уголок, а Кирби наблюдала за ним. Он заставлял ее нервничать, а она всячески пыталась не обращать на это внимания. Нервозность она чувствовала крайне редко и никогда в этом не признавалась. Ее работы рассматривали и раньше. В конце концов, что еще нужно художнику, если не признание? Она стояла молча, сцепив пальцы. «Его мнение едва ли имеет значение», – решила она для себя и облизнула пересохшие губы.

Адам взял кусок мрамора, который изображал неистовое пламя. Несмотря на белый цвет материала, огонь казался реальным, а прикосновение языков каменного пламени почти ощутимым. Кирби обладала даром создавать жизнь, так же как и ее отец.

На мгновение Адам забыл о цели своего визита, размышляя о женщине и о художнике, живущем внутри ее.

– Где вы учились? – Он обернулся и посмотрел на нее спокойными карими глазами.

– В школе искусств во Франции, но на самом деле меня обучал отец.

Адам крутил в руках кусок мрамора – даже самое заурядное воображение могло представить, какой жар исходит от этого творения. Адам почти чувствовал его запах.

– Давно ли вы занимаетесь скульптурой?

– Серьезно? Около четырех лет.

– Тогда какого черта у вас прошла всего одна выставка? Почему вы похоронили все это здесь?

Злость. Кирби приподняла бровь, она всего лишь хотела понять его характер и никак не ожидала, что он осмелится вмешиваться в ее работу.

– Будет еще одна этой весной, – невозмутимо произнесла она, пожав плечами и ощущая дискомфорт. – Ее организует Чарли Ларсон. На самом деле, меня хотели заставить выставиться в другом месте. Но я не была готова.

– Это глупо. – Он посмотрел на мрамор так, словно впервые увидел его. – Невероятно глупо.

Почему она вдруг стала такой ранимой, увидев свое творение в руках Адама? Отвернувшись, Кирби провела пальцем по бронзовому носу отцовского бюста.

– Повторяю, я не была готова. – Она недоумевала, зачем вообще все ему объясняет. – Я должна была быть уверена, понимаете? Всегда найдутся люди, которые скажут, что меня протаскивали на папиных фалдах. Ничего удивительного. Я должна была знать точно. Я должна была знать.

Адам не ожидал такой чувствительности, искренности и уязвимости. Это потрясло его так же, как и ее страстность.

– Теперь вы знаете.

Она снова повернулась, склонила голову:

– Теперь знаю.

Слабо улыбнувшись, Кирби забрала у него кусок мрамора.

– Я никогда никому об этом не рассказывала, даже папе. – Взгляд ее был спокоен, мягок и серьезен. – Интересно, почему вам рассказала?

Адам коснулся волос Кирби – хотел сделать это с самого утра, с тех пор, как увидел игру солнечных лучей в шелковых прядях.

– А мне интересно, почему я так этому рад.

Кирби отступила. Сложно контролировать желание, внезапное и сильное, но нельзя было забывать об осторожности.

– Ну, я полагаю, нам стоит подумать об этом. Вот и закончилась первая часть нашего путешествия. – Она вернула на место мраморное пламя и слабо улыбнулась. – Ваши вопросы и комментарии.

Адам понял, что затронул потаенный уголок души Кирби, но ее это, похоже, не волновало.

– Ваш дом... огромен, – сказал он; она широко улыбнулась. – Жаль, нет рва и дракона.

– Просто оставьте как-нибудь овощи на тарелке недоеденными и увидите, каким страшным драконом может обернуться Тюлип. Что касается рва... – Она пожала плечами, словно извиняясь, но затем что-то вспомнила. – Поганки, как я могла забыть?

И, не дожидаясь ответа, схватила его за руку и потащила в гостиную.

– Рва нет, – сказала она, когда они встали перед камином. – Зато есть тайные ходы.

– Я должен был догадаться.

– Прошло много времени с тех пор, как я последний раз... – Она замолчала, затем стала бормотать себе под нос, нажимая на выступы орнамента дубовой обшивки и дергая их. – Я клянусь, это какой-то цветок... где-то здесь есть кнопка, но ее нужно найти... – Она раздраженно перекинула хвост через плечо.

Адам смотрел на ее длинные, тонкие пальцы, пробегавшие по дереву. Ногти были короткими, округлыми и ненакрашенными, как у школьницы или монахини. Однако это никак не влияло на ее сексуальность.

– Я знаю, она где-то здесь, но не могу точно... Вот она! – Довольная собой, Кирби отступила, а одна из панелей со скрипом скользнула в сторону. – Нужно немного масла, – добавила она.

– Впечатляет, – пробормотал Адам. – Ход ведет в подземелье?

– Он опутывает весь дом лабиринтом изгибов и поворотов. – Кирби вгляделась во тьму. – Вход есть практически во всех комнатах. Кнопка с другой стороны открывает или закрывает панель. Там ужасно темно и пахнет плесенью. – Вздвогнув, она отступила на шаг. – Наверное, поэтому я и забыла о нем. – Ей стало холодно, и она потеряла руки. – Я часто пряталась там, когда была маленькой, сводила с ума прислугу.

– Могу себе представить.

Ее глаза расширились от страха, пока она смотрела в темноту.

– Думаю, я поплатилась за это. Однажды у меня сломался фонарь, и я не могла выбраться. Повсюду были пауки размером с собаку. – Она усмехнулась и отступила еще на шаг. – Не знаю, как долго просидела там, но, когда папа нашел меня, я билась в истерику. Правда, потом я нашла новые способы доставлять неприятности персоналу.

– Это все еще пугает вас...

Кирби подняла голову, намереваясь возразить, но, стоило ей поймать его взгляд, тут же снова сказала правду:

– Да, по-видимому, да. А теперь, поскольку я уже исповедалась в своих страхах, мы можем идти.

Панель закрылась, недовольно проскрежетав. Адам скорее почувствовал, чем услышал ее облегченный вздох, взял ее за руку, холодную как лед. Он хотел согреть ее.

Задумался, что означает для него это открытие. Зная о секретном ходе, он мог перемещаться по всему дому и незаметно проникать в любые комнаты, не опасаясь столкновений с персоналом или Фэйрчайлдом. Такой козырь стоило использовать. Он сделает это сегодня же.

– Вам посылка, мисс Фэйрчайлд.

Адам и Кирби замерли у подножия лестницы.

Она оглядела длинную белую коробку в руках дворецкого.

– Кардс, неужели это опять...

– Кажется, так, мисс.

– Галоши, – вздохнула Кирби и рассмотрела коробку. – Мне нужно быть более категоричной.

– Как скажете, мисс.

– Кардс... – Кирби улыбнулась дворецкому. Адам был уверен, что тот весь обратился в слух, несмотря на непроницаемое лицо. – Я знаю, это невежливо, но отдай их Полли. Я больше не вынесу вида красных роз.

– Как пожелаете, мисс. А карточка?

– Мелочи, – пробормотала она и снова вздохнула. – Оставь ее на моем столе, я потом разберусь. Прошу прощения, Адам. – И стала подниматься. – Меня завалили розами в последние три недели. Я отказалась стать любовницей Джареда, но он настаивает.

Раздраженная и раздосадованная, Кирби покачала головой, когда они преодолели первый изгиб лестницы:

– Думаю, надо пригрозить ему тем, что я расскажу все жене.

– Это может сработать, – пробормотал Адам.

– Как вы считаете, не должен ли мужчина вести себя порядочнее, когда ему стукнет шестьдесят? – Закатив глаза, она перепрыгнула сразу через три ступени. – О чем он только думает.

От нее пахло мылом, фигуру скрывали бесформенный свитер и джинсы. Адам легко мог представить, о чем думает старик.

На втором этаже располагались спальни. Каждая особенная, оформленная в неповторимом стиле. Чем больше Адам узнавал о доме, тем сильнее тот его очаровывал. Однако осознавал, насколько трудно будет выполнить задание.

– Последняя комната – мой будуар. – Девушка одарила его ленивой улыбкой, отчего у него начали зудеть ладони. – Я обещаю не компрометировать вас, пока вы точно не знаете, можно ли доверять моим словам. – С легким смешком она толкнула дверь и вошла. – Рыбы плавники!

– Простите?

Проигнорировав Адама, Кирби пересекла комнату.

– Вы это видели? – требовательно спросила она. Жестом, так напоминающим ее отца, указала на кровать, где на стеганом одеяле бесформенной массой расположилась лохматая собака.

Нахмурившись, Адам приблизился:

– Что это?

– Собака, что же еще?

Адам уставился на лохматый серый ком, который, казалось, не имел ни головы, ни хвоста.

– Возможно.

Короткий, толстый хвост заколотил по одеялу.

– Это уже не смешно, Монти. Я могу разозлиться, ты знаешь.

Адам смотрел на ком до тех пор, пока не разглядел голову. Глаза скрывала густая шерсть, виднелись только маленький черный нос и высунутый язык.

– Я бы написал вас со сворой афганских борзых.

– Что? – Легко похлопав меховую копну, Кирби повернулась к Адаму. – Монти принадлежит не мне, а Изабель. – Она раздраженно посмотрела на собаку. – Ну, кого-то сейчас выгонят.

Адам нахмурился, услышав незнакомое имя. Неужели Макинтайр что-то упустил?

– Это кто-то из персонала?

– К сожалению, нет. – Кирби издала звонкий смешок, собака довольно вытянулась на кровати. – Изабель никому не служит. Она... Вообще-то она сейчас здесь. А это значит, что у меня неприятности.

Адам обернулся к двери, собираясь было сказать, что в комнате никого, кроме них, нет, но тут уловил какое-то движение. Он посмотрел вниз и увидел палевую сиамскую кошку. Ее миндалевидные ярко-голубые глаза смотрели высокомерно и презрительно. Кошка переступила порог и устала на Кирби.

– Не смотри на меня так, – возмущенно произнесла она. – Я ничего не могла с этим поделать. – Изабель повела хвостом и испустила низкий угрожающий звук. – Я не буду терпеть твои угрозы и запираю дверь на замок. – Кирби сложила руки на груди и топнула по обюссонскому ковру. – Я отказываюсь менять свои привычки ради твоего комфорта. Ты просто должна внимательнее за ним следить.

Молча наблюдая за этой сценой, Адам, наконец, начал постигать подлинный характер Кирби. Именно такой тип мог доминировать и управлять другими. Он осторожно коснулся ее руки и дождался, пока она обратит на него внимание.

– Кирби, ты споришь с кошкой.

– Адам. – Она так же осторожно вытащила руку. – Не волнуйся. Я справлюсь. – Приподняв бровь, она вновь повернулась к Изабель: – Тогда заведи его и посади на цепь, если не хочешь, чтобы он повсюду бродил. И в следующий раз, пожалуйста, стучись, прежде чем войти в мою комнату.

Взмахнув хвостом, Изабель прошествовала к кровати и посмотрела на Монти. Он ударил по одеялу хвостом и облизнулся, затем неуклюже спрыгнул на пол. Немного покачиваясь, бегом последовал за грациозной кошкой.

– Он ушел с ней, – пробормотал Адам.

– Конечно, ушел, – ответила Кирби. – У нее зверский характер.

Не желая выглядеть полным дураком, Адам наградил ее долгим, непреклонным взглядом:

– Ты пытаешься убедить меня, что собака принадлежит вот этой кошке?

– У тебя есть сигарета? – вместо ответа, спросила она. – Я редко курю, но Изабель выводит меня из себя.

Адам все еще был немного раздражен. Кирби едва не расхохоталась. Он, несомненно, поразительный человек. Она взяла сигарету.

– Изабель утверждает, что Монти следовал за ней до дома, но я думаю, она похитила его. Это в ее духе.

Игры, подумал Адам. Но в них могут участвовать двое.

– А кому принадлежит Изабель?

– Принадлежит? – Глаза Кирби расширились. – Изабель никому не принадлежит, только самой себе. Кто бы в здравом уме захотел предъявить права на такое злобное существо.

Адам мог играть так же хорошо. Он забрал у нее сигарету и затянулся.

– Если она тебе так не нравится, почему бы просто не избавиться от нее?

Она выхватила сигарету.

– Едва ли я могу сделать это, пока она исправно оплачивает аренду. Хватит, – решила Кирби после очередной затяжки. – Я немного успокоилась. – Она вручила ему сигарету и направилась к двери. – Я провожу вас в папину студию. Мы пропустим третий этаж, там все затянато в чехлы от пыли.

Адам открыл было рот, но решил, что некоторые вещи следует оставить в покое и ничего о них не знать. Пытаясь выбросить из головы странных кошек и уродливых собак, он после-

довал за Кирби обратно в холл. Лестница ленивыми изгибами вела дальше – на третий этаж, затем резко поворачивала и становилась прямой и узкой.

Кирби задержалась и указала вниз, на холл:

– План этажа идентичный второму. На противоположной стороне лестница, ведущая в мою студию. Остальные комнаты используются редко. —

Она одарила его легкой улыбкой. – Соответственно, на всех этажах водятся привидения.

– Конечно. – Адам нашел это вполне естественным. Не сказав больше ни слова, он последовал за ней в башню.

Глава 3

Повсюду были разбросаны тюбики с краской, связки кистей стояли в разнообразных банках. В воздухе висел запах масла и скипидара. Понятно, руины и дух искусства, подумал Адам.

В студии был высокий потолок, сквозь арочные окна лился солнечный свет. Пол, возможно, когда-то был красив, но теперь древесина, забрызганная и измазанная красками, потускнела. Холсты лежали прямо на полу, по углам.

Кирби быстро и внимательно огляделась. Увидела, что все так, как должно быть, и немного расслабилась. Пересекла студию, приблизилась к отцу.

Он сидел неподвижно, уставившись на бесформенную кучу глины перед собой. Не сказав ни слова, она обошла вокруг стола, тщательно рассматривая глину. Глаза Фэйрчайлда были прикованы к злосчастному творению. Через несколько мгновений Кирби выпрямилась, почесала нос тыльной стороной ладони и скривила губы:

– М-м-м.

– Это только твое мнение, – ошетинился Фэйрчайлд.

– Конечно. – Она погрызла ноготь большого пальца. – Ты имеешь право услышать другое. Адам, подойдите и посмотрите.

Он одарил Кирби убийственным взглядом, заставив ее улыбнуться. Захваченный врасплох, взглянул на глину, предположил, что это неплохая попытка – ястреб с выпущенными когтями и недоделанным клювом. Сила, жизнь, песнь, вихрем вырывающиеся из его картин и из скульптур дочери, – здесь их просто не было. Адам стал искать пути отступления.

– Х-м-м, – начал он, пытаясь придумать, как отплатить Кирби.

– Видишь, он со мной согласен. – Дочь похлопала отца по голове.

– Да что он понимает! – воскликнул Фэйрчайлд. – Он же художник!

– Как и ты, папа. Великолепный художник.

Фэйрчайлд постарался скрыть удовольствие от ее слов и погрузил палец в глину.

– Скоро, о, злая, противная девчонка, я стану и великолепным скульптором.

– Я подарю тебе пластилин на день рождения. – Она взвизгнула, когда Фэйрчайлд схватил ее за ухо и потянул. – Изверг! – Она фыркнула и потеряла мочку.

– Следи за своим языком, иначе я сделаю из тебя Ван Гога.

Маленький Фэйрчайлд захохотал, а Кирби, наоборот, вся застыла – лицо, плечи, руки. Плавность движений, которой до этого любовался Адам, исчезла. Невероятно, она... боялась? Не Фэйрчайлда. Адам был уверен, что Кирби никогда бы никого не испугалась, а тем более собственного отца.

Однако она быстро взяла себя в руки и задрала подбородок.

– Я собираюсь показать Адаму свою студию. Он может обосноваться там.

– Хорошо, хорошо. – Услышав резкие нотки в ее голосе, Фэйрчайлд похлопал дочь по руке, запачкав ее глиной. – Она чертовски мила, вы не находите, Адам?

– Да, это правда.

Кирби прерывисто вздохнула.

– Видишь, моя дорогая, разве теперь ты не поблагодаришь меня за те брекеты?

– Папа. – С легкой усмешкой она прижалась щекой к его лысеющей голове. – Я никогда не носила брекеты.

– Конечно нет. Ты унаследовала зубы от меня.

Он лучезарно улыбнулся Адаму и подмигнул:

– Возвращайтесь после того, как обустроитесь. Мне необходима мужская компания. – Он легонько потрепал дочь за щеку. – И не думай, что он будет крутиться вокруг твоих лодыжек, как Рик Поттс.

– Адам совсем не похож на Рика, – пробормотала Кирби, затем взяла тряпку и стала очищать руки от глины. – Рик – милый.

– А манерам она научилась у доярки, – заключил Фэйрчайлд.

Кирби взглянула на гостя:

– Уверена, Адам тоже может быть милым. – Ее голос звучал неуверенно. – Сильная сторона Рика – акварель. Он из тех мужчин, к которым женщины относятся по-матерински. Как войдет, начинает заикаться.

– Он влюблен до безумия в нашу маленькую Кирби. – Фэйрчайлд снова бы расхохотался, если бы не предупреждающий взгляд дочери.

– Это ему так кажется. Я его не поощряю.

– Тогда что за объятия мне случилось наблюдать в библиотеке? – Довольный собой, Фэйрчайлд повернулся к Адаму. – Очки ведь просто так не запотевают.

– Несомненно. – Они нравились ему, черт побери. Нравились, несмотря на то что были безобидными безумцами. Хотя, возможно, не столь уж и безобидными.

– Ты прекрасно знаешь, что инициатива исходила от него. Рик потерял контроль на некоторое время. Похоже на приступ гнева. – Она принялась чистить рукава свитера. – И хватит об этом.

– Он приедет на следующей неделе и останется у нас на несколько дней, – выдал Фэйрчайлд ошеломляющую новость, как только дочь направилась к двери.

К ее чести, она даже не замедлила шаг. Адам задался вопросом, стал ли он свидетелем хорошо продуманной партии в шахматы или спонтанного сражения в китайские шашки.

– Очень хорошо, – холодно ответствовала Кирби. – Я скажу Рiku, что мы с Адамом страстные любовники, он ужасно ревнив и прячет кинжал в левом носке.

– Боже мой, – пробормотал Адам, когда Кирби вышла за дверь. – А ведь она и правда так делает.

– Можете на это поставить, – согласился Фэйрчайлд, даже не пытаясь скрыть ликование. Он обожал путаницу. Человек шестидесяти лет имел право создавать все, что только возможно.

Вторая студия была подобна первой, разве что содержимое отличалось. К тюбикам краски, кистям и холстам добавились ножи, резцы и молотки. А еще целые пласты известняка, глыбы мрамора и бруски древесины. Вещи Адама выглядели маленьким островком порядка в этой комнате.

Длинный деревянный стол был загроможден инструментами, засыпан стружками, завален лоскутами и мятой тканью, возможно раньше служившей блузой художника. В углу находилась современная стереосистема. У стены – старая газовая плита, напротив – пустой мольберт. Весь этот хаос отображал сущность Фэйрчайлда. Комната, тихая, просторная и влекущая, была пропитана солнцем.

– Студия довольно велика, – сказала Кирби, обведя помещение широким жестом. – Садитесь, где вам удобно. Мы не помешаем друг другу. – В ее голосе прозвучало сомнение. Она должна была обо всем позаботиться. Пусть уж лучше Адам будет ошиваться здесь, у нее под боком, чем в папиной студии с Ван Гогом. – Вы импульсивны?

– Я бы так не сказал, – рассеянно произнес Адам, распаковывая вещи. – Хотя другие, возможно, скажут. А вы?

– О да. – Кирби уселась перед рабочим столом и взяла кусок древесины. – У меня случаются приступы гнева или меланхолии. Надеюсь, вас это не беспокоит.

Он повернулся, собираясь ответить, но она задумчиво рассматривала древесину в руке, словно пытаясь поймать нечто, скрытое внутри.

– Сейчас я работаю над своими эмоциями. Но иногда не могу сдерживаться.

Заинтересовавшись, Адам оставил вещи и подошел к полке с дюжиной произведений в различной стадии завершения. Выбрал резной кусок фруктового дерева, покрытый лаком.

– Эмоции, – пробормотал он, пробегая пальцами по древесине.

– Да. Это...

– *Грусть*, – закончил он. Он мог видеть тоску, чувствовать боль.

Кирби не знала, радует ее или огорчает то, что Адам разглядел все так точно, особенно в этой работе, которая далась так тяжело.

– Я сделала также *Счастье* и *Сомнение*. Страсть решила приберечь напоследок. – Она поднесла к глазам брусок, который держала в руках. – Это должен быть *Гнев*. – Словно стараясь разозлить деревяшку, постучала по ней пальцами. – Один из смертных грехов, хотя я всегда считала, что это несправедливо. Гнев необходим.

Адам видел, как меняется выражение ее глаз, пока она рассматривала будущий шедевр. «Тайны, – подумал Адам. – Кирби всегда говорит загадками». Но когда она сидела вот так, окутанная солнечным светом, с куском древесины в руках, то казалась полностью открытой, читаемой, чистой эмоцией. Как только он постиг это, Кирби шевельнулась и рассеяла все волшебство. Посмотрела на него с дразнящей улыбкой:

– Пока я работаю над *Гневом*, вам придется смириться с перепадами моего настроения.

– Постараюсь относиться к этому объективно.

Кирби улыбнулась шире и нанесла немного блеска вежливости на поверхность сарказма:

– Держу пари, у вас целая гора объективности.

– Не более чем необходимо.

– Можете воспользоваться моей, если желаете. Но ее очень мало. – Все еще крутя в пальцах кусок древесины, Кирби посмотрела на вещи Адама. – Вы сейчас над чем-нибудь работаете?

– Работал. – Он встал прямо перед ней. – У меня родилась новая задумка. Хочу написать вас.

В ее глазах отразились смущение и подозрительность.

– Почему?

Адам приблизился к ней и осторожно прикоснулся к подбородку. Кирби сидела спокойно, пока он исследовал ее лицо. Она чувствовала его пальцы – каждый палец – на своей коже. Нежной коже. Адам не сопротивлялся желанию провести большим пальцем по щеке. Ее взгляд был тверд и упрям.

– Потому что, – наконец произнес он, – ваше лицо поразительно. Я хочу изобразить его, вашу выразительность, вашу сексуальность.

Ее губы потеплели под жесткой кожей его пальца, руки, сжимавшие фруктовое дерево, напряглись, но голос оставался спокоен.

– А если я откажусь?

Высокомерие, которое Кирби включала крайне редко, но весьма успешно, также интриговало Адама. Таким взглядом она могла поставить на колени любого мужчину.

Он медленно наклонился и поцеловал ее, ощутил, как она напряглась, пытаясь сопротивляться, а затем успокоилась. Она по-своему – своей защитой – принимала чувства, которые он дарил ей. Костяшки ее пальцев побелели, но он не обратил на это внимания. Оторвавшись от мягких губ, Адам видел лишь глубину ее чистых серых глаз.

– Я все равно напишу вас, – пробормотал он и покинул студию, желая дать им обоим время подумать о случившемся.

Она думала об этом. Минут сорок сидела не двигаясь, позволяя работать только мысли. Такая яркая и энергичная женщина, она обладала способностью замирать на месте, когда это было необходимо. Она рассматривала ситуацию со всех сторон и искала ответы. Это Адам

вынудил ее, пробудив нечто такое, чего она никогда не чувствовала. Больше всего в жизни Кирби ценила новизну и оригинальность, а тут впервые задумалась, стоит ли пренебречь ими.

Ей нравились люди, ставившие свои желания превыше всего, она и сама была такой и не имела ничего против небольшого столкновения с Адамом. Но... В случае с ним не могла придумать достойного *но*.

«Будет безопаснее, нет, умнее сосредоточиться на проблемах, связанных с его визитом». Несвоевременное влечение. Она прикоснулась языком к верхней губе и удивилась, что все еще в состоянии чувствовать вкус его поцелуя. «Несвоевременное, – повторила она. – И тревожащее».

Отец должен быть более благоразумным, правда, назвать Филиппа Фэйрчайлда благоразумным – все равно что похвалить Гекльберри Финна за прилежание. Ему нужно поторопиться с этим треклятым Ван Гогом. А еще Тициан, вспомнила она. И с этим нужно что-то делать.

Адам договорился с отцом, и она ничего не могла изменить в данный момент. Еще несколько дней. Здесь не о чем волноваться. Улыбка снова озарила ее лицо. Пребывание Адама могло повеселить ее. Кирби задумалась о нем, о его серьезных карих глазах, твердых, сильно сжатых губах.

Но это опасное развлечение. Хотя что за жизнь без опасности? Все еще улыбаясь, она взялась за инструменты.

Она сосредоточенно работала в полном молчании. Адам, отец, Ван Гог были забыты. Дерево в ее руках стало центром Вселенной. В нем заключена жизнь, Кирби могла ее чувствовать. Она лишь ждала, пока творец подберет подходящий ключ и освободит ее душу, что одарит художника возвышенным удовлетворением, которое всегда идет рука об руку с открытием.

Живопись никогда не дарила подобных ощущений. Кирби играла с ней, наслаждалась, но так и не овладела по-настоящему. *Живопись* не смогла совладать с ней. А искусство – это любовник, требующий абсолютной верности.

Наконец дерево, казалось, сделало свой первый вздох. Она почувствовала, ясно и внезапно, дух, который искала и который пыталась освободить от заключения. Почти... почти свободен.

Услышав свое имя, Кирби резко вскинула голову.

– Тысяча чертей!

– Кирби, прости.

– Мелани! – Она проглотила ругательство, отложила инструменты, но все еще держала обломок. Не могла упустить его сейчас. – Я не слышала, как ты вошла. Входи, я не буду орать.

– А стоило бы. – Мелани оставалась у двери. – Я побеспокоила тебя.

– Да, но я прощаю тебя. – Кирби указала на стул рядом и улыбнулась подруге.

Светлые волосы аккуратно обрамляли лицо в форме сердца. На скулы, более выраженные, чем у Кирби, опытная рука нанесла немного румянца. Пухлые губки были заботливо покрыты розовым блеском. Кирби в очередной раз убедилась, что Мелани Бэрджесс обладает самым прекрасным лицом на свете.

– Ты выглядишь замечательно, Мелли. Как дела?

Мелани сморщила носик и отряхнула сиденье стула.

– Я была занята. И кстати, мои весенние дизайны хорошо приняли.

Кирби закинула ногу на ногу.

– Не понимаю, как ты можешь решать в августе, что нам следует носить в следующем апреле. – Вдохновение отступило. Уверяя себя, что оно еще вернется, Кирби положила кусок древесины на стол. – Ты снова вдоволь поиздевалась над кромкой?

– Ты все равно никогда не обращаешь внимания на такие мелочи. – Она бросила на свитер Кирби взгляд, полный отчаяния.

– Я предпочитаю оценивать мой гардероб с точки зрения жизнестойкости, а не модных тенденций. – Кирби лукаво улыбнулась, хорошо зная, как подтрунить над подругой. – Этому свитеру всего-навсего двенадцать лет.

– И выглядит он соответственно, – в том же духе ответила Мелани и сменила тему: – Я столкнулась с Элен Паркер.

– Правда? – Кирби соединила руки и положила на них подбородок. Она не считала сплетни невежеством, если из них можно было почерпнуть что-нибудь интересное. – Я не видела ее уже несколько месяцев. Она все еще трещит по-французски, когда хочет, чтобы ее не поняли?

– Ты не поверишь. – Мелани вытащила из эмалированного футляра длинную, тонкую сигарету. – Я и сама не поверила, пока не увидела собственными глазами. Ты ведь помнишь Джерри Тернера?

– Дизайнера женского нижнего белья?

– Интимной одежды, – со вздохом поправила Мелани.

– Да какая разница. Я ценю хорошее нижнее белье. Так что он сказал?

Мелани достала зажигалку с монограммой и щелкнула ей. Коротко затянулась.

– Элен закрутила роман.

– Тоже мне новость, – сухо произнесла Кирби. Зевнув, она потянула к потолку руки, выпрямила спину. – Это уже двести третий по счету или я что-то упустила?

– Но, Кирби... – Мелани наклонилась и ткнула в подругу сигаретой. – В этот раз на ее пути оказался стоматолог ее сына.

Громкий смех Кирби заставил Адама замереть на лестнице по пути к башне. Он проникал сквозь толстые каменные стены, богатый, искренний, волнующий. Адам стоял не двигаясь, пока эхо не затихло. Затем, бесшумно ступая, продолжил подниматься.

– Вообрази! Стоматолог. – Несмотря на то что Мелани, как никто другой, знала Кирби, она все же была поражена ее реакцией. – Он же... он же из среднего класса.

– Ох, Мелли, ты просто невероятный сноб. – Она издала тихий смешок, а Мелани негодуя фыркнула. – Получается, Элен может крутить амуры сколько угодно, лишь бы ее выбор соответствовал стандартам общества? А стоматолог – проявление дурного вкуса?

– Конечно, это неприемлемо, – пробормотала Мелани, пойманная в ловушку логических рассуждений.

– Вообще-то отвратительно. Элен развлекается со стоматологом, пока бедный Гарольд растрчивает состояние на исправление неправильного прикуса. Где же справедливость?

– Ты меня просто поражаешь!

– Работа стоматолога очень дорого стоит.

Раздраженно вздохнув, Мелани сменила тему:

– Как поживает Стюарт?

Адам хотел было войти в студию, но передумал и молча остановился в дверях. Улыбка Кирби угасла. Взгляд, в котором только что сверкали веселые искорки, стал холодным, мелькнуло нечто жесткое, сильное и отталкивающее. Заметив это, Адам подумал, что она могла бы стать ужасным врагом. Под маской беззаботной, остроумной, сексуальной и вызывающей богатенькой девушки скрывались твердый характер и несгибаемая воля. Нельзя забывать об этом.

– Стюарт... – произнесла она срывающимся голосом. – Я не знаю.

– Ох, дорогая, – холодно ответила Мелани, прикусив нижнюю губу. – Вы поссорились?

– Поссорились? – Она безрадостно улыбнулась. – Можно и так сказать. – В ее глазах вспыхнуло некое чувство, очевидно, то самое, которое она пыталась вырезать из куска древесины. – Я поняла, что совершила ошибку, согласившись выйти за него.

– Ты делилась со мной своими сомнениями. – Выкурив сигарету, Мелани взяла Кирби за руку. – Я думала, это всего лишь нервы. Раньше ты никогда не позволяла отношениям зайти так далеко.

– Просто в мои суждения закралась ошибка. – Да, она никогда не позволяла отношениям дойти до помолвки. Помолвка означала обязательства, а обязательства, в свою очередь, тюрьма, которой Кирби по-настоящему страшилась. – Я ее исправила.

– А Стюарт? Думаю, он был в ярости.

Кирби безрадостно улыбнулась:

– Он дал мне прекрасную возможность сбежать. Он вынуждал меня назначить дату.

– И ты избавилась от него.

– Слава богу. В любом случае я наконец-то набралась храбрости нарушить слово. Думаю, впервые в жизни почувствовала себя виноватой. – Пожав плечами, она снова взяла брусок. Это помогло ей успокоиться, сконцентрироваться на поставленной задаче. – Я пришла к нему без предупреждения, с мыслью «сейчас или никогда». Уже приготовилась произнести небольшую речь, как вдруг заметила... скажем так... несколько предметов интимной одежды, разбросанных по комнате.

– О, Кирби...

– Частично это моя вина. Я отказывалась спать с ним. Просто никакая сила не могла заставить меня сблизиться. – Кирби пыталась подобрать правильные слова. – Не было страсти. Возможно, я с самого начала знала, что никогда не выйду за него. Но я была верна. – Ее снова охватила ярость. – Я была верна ему, Мелли!

– Не знаю, что и сказать. – В голосе подруги звучало сочувствие. – Мне жаль.

Кирби покачала головой, не желая ничьей жалости:

– Я бы так не злилась, если он не стоял передо мной и не уверял, как сильно любит меня, хотя его постель согревала другая женщина. Я сочла это унижительным.

– Ты не должна чувствовать себя униженной! – с жаром произнесла Мелани. – Он глупец!

– Возможно. Было бы просто плохо, если бы вовремя остановились, но мы попрали любовь и верность. И стало отвратительно.

Ее голос затих, глаза затуманились. Снова тайны.

– Той ночью я узнала достаточно, – задумчиво пробормотала она. – Никогда не считала себя душой, но, кажется, была ею.

Мелани снова коснулась руки подруги:

– Наверное, ужасно узнать, что Стюарт изменял тебе еще до свадьбы.

– Что? – Кирби моргнула, вернувшись к реальности. – Ах, это... Да, это тоже.

– Тоже? А что еще?

– Ничего. – Она покачала головой, прогоняя воспоминания. – Это теперь мертво и похоронено.

– Я чувствую себя ужасно. Черт подери, сама же вас и познакомила.

– Возможно, ты должна побрить голову в знак раскаяния, но я советую тебе забыть об этом.

– А ты сможешь?

Губы Кирби изогнулись в улыбке, брови приподнялись.

– Неужели ты все еще припоминаешь мне Андре Файетта?

Мелани сложила руки на груди.

– Прошло пять лет!

– Шесть, да кто считает? – Кирби, усмехнувшись, наклонилась. – К тому же вряд ли стоило надеяться, что сексуально озабоченный французский студент гуманитарного факультета обладает хоть каким-то вкусом.

Мелани надулась.

– Он очень привлекателен.

– Тем не менее примитивный. – Кирби старалась подавить усмешку. – Никакого блеска, Мелли. Ты должна благодарить меня за то, что я его соблазнила, пусть неумышленно.

Адам решил, что пора обнаружить свое присутствие, и вошел. Кирби взглянула на него и улыбнулась. От ярости и холодности не осталось и следа.

– Привет, Адам. Поболтал с папой?

– Да.

Адам, взглянув на Мелани, обнаружил, что вблизи она выглядит еще более ошеломительно: идеальное лицо, идеальная фигура, скрытая бледно-розовым платьем, стильным и в то же время простым.

– Я вам помешал?

– Мы просто сплетничали. Мелани Бэрджесс. Адам Хайнес. Адам погостит у нас несколько недель.

Адам пожал тонкую руку с розовыми ноготками, мягкую и изнеженную, лишенную грубых мозолей, покрывавших пальцы Кирби. Он спросил себя, что из случившегося за последние сутки могло заставить его предпочесть ухоженной женщине, улыбавшейся ему, неопрятную художницу. Наверное, с ним что-то не так.

– Тот самый Адам Хайнес? – Улыбка Мелани потеплела. Она слышала о нем, его безукоризненной родословной и блестящем образовании. – Ну конечно, это вы. К этому месту художников притягивает словно магнитом. У меня есть одна из ваших картин.

– Правда? – Адам поджег ее сигарету, затем свою. – Какая?

– «Этюд в голубых тонах». – Мелани склонила голову и улыбнулась, глядя ему в глаза, – нехитрая женская уловка, которую она усвоила сразу, как научилась ходить.

Кирби внимательно наблюдала за обоими. Два таких необыкновенных лица. У нее зудели кончики пальцев запечатлеть черты Адама в бронзе. Год назад она вырезала лицо Мелани из слоновой кости – гладкой, прохладной и прекрасной. В случае же с ним она бы стремилась передать внутреннюю силу его натуры.

– Я хотела эту картину. Она впечатлила меня, чуть до слез не довела, – продолжала Мелани. – Но едва не упустила ее. Помнишь, Кирби? Ты же была там.

– Помню. – Она посмотрела на Адама – ее глаза светились искренностью и любопытством, она не делала попыток заигрывать, в отличие от подруги. – Я испугалась, что она сорвется и опозорится, поэтому пригрозила купить ее. Папа пришел в ярость, когда узнал, что я этого не сделала.

– Дядя Филипп мог бы и так уже снабжать Лувр, – заметила Мелани, пожав плечами.

– А кто-то просто коллекционирует марки... – улыбнулась Кирби. – Натюрморт в моей комнате – работа Мелани. Мы учились вместе во Франции.

– Не спрашивайте, – быстро произнесла Мелани. – Я не художник. Я дизайнер, и притом довольно посредственный.

– Только потому, что боишься запачкаться.

Мелани склонила голову, не выразив согласия, но и не опровергнув замечание.

– Мне пора. Передай привет дяде Филиппу. Не хочу беспокоить его.

– Останься на ланч, Мелли. Мы не видели тебя два месяца.

– В другой раз. – Она плавно поднялась, видно, ей с детства привили манеру держать себя: грациозно вставать, ходить или даже просто сидеть. На Адама пахнуло ароматом «Шанели».

Он тоже вскочил.

– Увидимся в выходные на вечеринке. – Улыбнувшись, Мелани протянула ему руку. – Вы ведь тоже придете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.